

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Санкт-Петербургское отделение Археографической комиссии РАН

IV Чтения памяти академика Николая Петровича Лихачева

15 апреля 2024 года

Н.П. Лихачев как рецензент

Научная рецензия возникла в Западной Европе в XVII в. в качестве формы общения среди научного сообщества. В XIX в. в России рецензия как вид научной деятельности переживала расцвет. Отдал дань ей и Н.П. Лихачев. После выхода в 1888 г. его магистерской диссертации «Разрядные дьяки XVI в.: опыт исторического исследования» последовал отзыв профессора Казанского университета Д.А. Корсакова, что вызвало ответ Н.П. Лихачева.

Одной из рецензий ученого стал отзыв на книгу А.В. Экземплярского «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период 1238–1505 г.», представленную в 1895 г. на соискание награды Макариевской премии. Из 22 заявленных в числе семи сочинений она была отобрана Академией наук. Дать отзыв поручили относительно молодому (33 года) доктору русской истории Н.П. Лихачеву.

Он отнесся к нему с академической пунктуальностью, отметив неразработанность генеалогии Рюриковичей, отсутствие даже реестра изданных источников. Оценивая объем работы, он указал, что только «одних хронологических дат в книге... приводится более десяти тысяч» и заключал: «Такое обилие фактического материала само по себе может служить извинением в мелких недосмотрах и пропусках». Пытаясь как-то восполнить пробелы, Н.П. Лихачев скрупулезно перечислил замеченные неточности и ошибки. При этом он далек от вывода рецензента из журнала «Исторический вестник», писавшего, что «промахи внушают мало доверия к труду г. Экземплярского».

Где-то Н.П. Лихачев не соглашался с автором. Это, например, касалось его нежелания переводить даты с мартовского на сентябрьский стиль, что, по мнению А.В. Экземплярского, «пока еще невозможно делать...». Напомним, книга Н.Г. Бережкова о хронологии летописания увидела свет лишь в 1963 г.

В итоге рецензируемая работа, «принимая во внимание серьезные научные достоинства... сочинения, оставшегося не награжденным, за недостатком премий» удостоилась лишь почетного отзыва.

Время расставило все по местам. Книга А.В. Экземплярского только в XXI в. издавалась четырежды. Но требуется новое академическое издание, с учетом исследований историков за последние сто лет, а также рецензий современников, включая и отзыв Н.П. Лихачева.

А.Н. Алиева*Астраханские встречи Николая Петровича Лихачёва – состоявшиеся и предполагаемые*

Астраханская ссылка Николая Петровича Лихачёва пришлась на период голода, ситуация с продовольственным снабжением в эти годы только ухудшалась. Однако кроме голода, болезней и бытовых проблем, ссылке учёного угнетало малое число и состояние местных гуманитарных учреждений. В докладе обозначен потенциальный круг знакомств Николая Петровича в среде сотрудников астраханских культурно-просветительных учреждений, а также изменения, происходившие с этими учреждениями в начале 1930-х годов.

Сохранились письма Лихачёва, адресованные заведующему астраханским архивом Петру Ивановичу Усачеву. В тот период в Астрахани действовал Калмыцкий архив, его заведующий, историк Николай Николаевич Пальмов также мог стать собеседником Николая Петровича. Музей Петровского общества исследователей Астраханского края был создан в 1890 году. В начале 1930-х годов в музее в соответствии с решениями I Всероссийского музейного съезда были демонтированы ранее существовавшие экспозиции; в этот период были утрачены многие коллекции и документы, увольнялись политически неблагонадёжные специалисты, среди которых могли быть астраханские знакомые Лихачёва. Неизвестно о его знакомстве с заведующим Астраханской картинной галереей Николаем Протасовым, художником Павлом Михайловичем Власовым, но, как представляется, находивший в ссылке коллекционер, знаток искусства не мог оставить без внимания астраханское художественное собрание. В качестве одной из составляющих культурной жизни в докладе рассмотрен репертуар астраханских театров начала 1930-х годов. Николай Петрович был читателем Центральной городской библиотеки, его разочаровало состояние её фондов. Как показывают письма Лихачёва, он не остался равнодушным к проблемам Астрахани, им были чётко сформулированы основные задачи, которые предстояло решить библиотеке.

Раннеитальянская и византийская живопись в коллекции Н.П. Лихачева. К истории приобретений по материалам архивных документов Санкт-Петербургского филиала архива Академии наук

Фигура Н.П. Лихачева отражает высшие достижения археографической, палеографической, сфрагистической наук, а также дипломатики и нумизматики. Всем известен огромный вклад ученого и в сфере коллекционирования, чьи коллекции памятников письменности, монет, печатей, икон сегодня составляют гордость коллекций Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук, Института востоковедения Академии наук.

Собирательскую деятельность Н.П. Лихачева нельзя оценивать в отрыве не только от общих тенденций знаточеской науки того времени, стремившейся к доподлинным знаниям об авторстве, датировке, месте создания и иконографии, но и от уникального свойства самого ученого – к последовательности и классификации собираемых предметов. Собранная ученым в ходе зарубежных путешествий (1892-1910-е гг.) коллекция византийского, раннеитальянского, древнерусского искусства в ходе исторических перипетий оказалась преимущественно в Эрмитаже и Русском музее, и по составленной при покупке собрания для Русского музея им. Имп. Александра III в 1913 г. описи, насчитывала 1471 предмет, из которых первый из семи «отделов» описи «Италия» насчитывала 21 произведение раннеитальянской живописи. Второй интересующий нас отдел описи «Итало-греческие и ново-греческие» насчитывал 230 предмета. Большая часть предметов этих разделов описи поступила в 1923 г. в Государственный Эрмитаж.

В ходе доклада на основе документов фонда Н.П. Лихачева СПбФ АРАН (ф. 246, оп. 3, д. 67, д. 104) будет рассмотрена история приобретения ученым восьми произведений итальянского искусства Раннего Возрождения. Среди них примеры сиенской, тосканской, венецианской, флорентийской школ живописи 13-14 вв., большая часть которых не имеет авторства. Переписка Н.П. Лихачева с ведущими итальянскими антикварами: Лю Байло, Д. Бигацци, М. далла Тарре, Дж. Пачини позволяет за скухими данными о предмете приобретения и получении негоциантами денег с большой долей вероятности идентифицировать произведение в эрмитажной коллекции. Выявление провенанса этих немногих примеров ранней итальянской живописи открывает возможность реконструировать столь важный для понимания коллекционной деятельности Н.П. Лихачева выявить характер взаимоотношений ученого в антикварном мире Европы, а также подтвердить его неопровержимую репутацию знатока с точным глазом и последовательной логикой в собирательской деятельности.

Н.Е. Дуткинский, Д.Б. Марков

Тмутараканская нумизматика. 1000-Летие тмы при Листвене

в свете материальных источников

Видение судеб Тмутаракани пока не может похвастаться достаточной степенью резкости. Между тем княжество, на наш взгляд, явилось ключевым форпостом активности русов на юге — византийских и каспийских походов. Мы фокусируемся лишь на одном из возможных взглядов в прошлое, основанном на интерпретации нумизматических и сфрагистических данных, вслед за исследователями, одним из которых был Н. П. Лихачёв. Появившийся в последние десятилетия нумизматический материал, как видится, открывает возможность для принципиально иных интерпретаций.

Проблема принадлежности одного из 13 систематируемых Н. Е. Дуткинским типов таманских «монетных знаков домонгольского периода», типа 6 — брактеата с арх. Михаилом в рост, известного в научном обороте с 2002 г., представляется весьма интересной и значимой. Он оттискивался в меди, серебре и в высокопробном золоте (4,14 г — по трём экз., что коррелирует со средней массой «златников» Владимира (4,27 г. — по 11 экз.).

Рис. 1. Брактеаты Мстислава 6.1.28 слева и 6.3.1 справа; «сребреник» Ярослава: по центру

Авторы, обоснованно не соглашаясь с мнением исследователей о проведении этого выпуска в последней четверти XI в. — в «безмонетном периоде» от имени зависимого от византийской администрации правителя — Олега-Михаила, обосновывают версию этой чеканки в княжение Мстислава Удалого. Эти брактеаты могли быть выпущены по случаю победы при Листвене осенью 1024 г. В частности, мы опираемся на, как видится, нарочитые параллели в иконографии таманских артефактов и новгородских монет. Например, характерный полукруг уборного щита св. Георгия — символа чести воина — низвергнут *к ногам* Архистратига, явившегося небесным патроном князя Мстислава, что, как видится, подтверждается также сведениями Любецкого синодика. На штемпеле 6.3 даже колончатые легенды расположены аналогично новгородской монете. Подобную композицию авторы склонны связывать с коммеморацией победы князя Мстислава над «великим князем Ярославом», помня про летописное бегство последнего, как и Якуна (ярла Хакона Эйрикссона?), потерявшего свою «золотую луду» (рис. 1).

Рис. 2. Стандартные сюжеты о.с. византийских провинциальных моливдовулов. Св. вмч. Георгий: слева; арх. Михаил (явление Иисусу Навину?): справа

Авторами приводятся возможные византийские сфрагистические образцы рассматриваемых памятников (рис. 2) и выдвигаются версии значения некоторых иконографических символов, на них помещённых, таких как неизменная крайне примечательная бусина (сфера) меж ступней архангела (рис. 3).

Рис. 3. Слева: серебряное блюдо, Сирия, VI в., ГЭ; справа: Икона, архангел Михаил, Византия, XI – начало XII в., собор св. Марка

*Последние владельцы имения Полянки Спасского уезда Казанской губернии –
Петр Федорович (1833-1904) и Иван Петрович (1865-1924) Лихачевы
в документах Государственного архива Республики Татарстан*

Усадебная культура Казанского края длительное время оставалась *terra incognita*, что напрямую связано с утратой памятников материального наследия и слабой изученностью среднепоместного и мелкопоместного землевладения. Между тем представители ряда известных в российской истории дворянских родов – Энгельгардтов, Боратынских, Молоствовых, Толстых, Панаевых, Мусиных-Пушкиных внесли заметный вклад в заселение, преобразование и развитие обширных территорий края. Провинциальная усадьба, глубоко отличная от усадеб титулованной знати, тем не менее, закономерно становилась носителем элементов столичной культуры, местом сосредоточения культурных ценностей – библиотек, художественных коллекций, архивных документов, памятников архитектуры, садово-паркового искусства, музыки, театра. К усадьбам такого типа относились и лихачевские Полянки Спасского уезда Казанской губернии. Усадьба как модель мира, сложившаяся в XVIII – первой половине XIX вв. в пореформенный период второй половины XIX – начала XX вв. претерпевает существенные трансформации, касающиеся социализации дворянства. Тем больший интерес представляет отложившийся в ГА РТ комплекс документов последних владельцев родовой вотчины – Петра Федоровича (1833-1904) и Ивана Петровича (1865-1924) Лихачевых. Документы личного характера дополняют и конкретизируют сведения о службе Лихачевых, их семьях, их недвижимом имуществе в Полянках, и Казани, об удержании семейных культурных традиций.

П.В. Крылов

*Дипломатические аспекты турецко-польской войны в документах папской нунциатуры в Испании
из коллекции Н.П. Лихачёва*

Турецко-польская война 1672 г., поставившая Польшу на грань военной и политической катастрофы, вызвала большое внимание Галеаццо Марескотти, папского нунция в Испании в 1670–1675 гг., чей рабочий архив содержится в коллекции Н.П. Лихачёва. Интерес титулярного архиепископа Коринфа был вызван не только сугубо политическими, но и личными соображениями, поскольку Варшава была с 10 марта 1668 по 13 августа 1670 местом его служения в качестве посланца римского первосвященника. На время его пребывания в польской столице пришёлся тяжёлый политический кризис, вызванный отречением короля Яна II Казимира (16 сентября 1668 г.), бескорольем, выборным сеймом лета 1669 г. и трудным восшествием на престол Михаила Вишневецкого, которого многие современники считали ответственным за провальное ведение войны против Османской империи. В числе авторов документов находятся Гаспар де Тевес и Тельо де Гусман (1608 – 15.07.1673), граф де Бенасуса, маркиз де ла Фуэнте, осведомитель нунция при мадридском дворе; Марио Альбериччи (1610–1680), титулярный архиепископ Новой Кесарии, нунций в Священной Римской империи; Франческо Бонвизи (1626–1700), титулярный архиепископ Фессалоникийский, чрезвычайный нунций в Польше; Франческо Нерли (1636–1708), архиепископ Флоренции, апостолический нунций во Франции; Марчелло Дураццо (1633–1710), титулярный архиепископ Халкидонский, апостолический нунций в Португалии. В документах отчётливо выделяются три группы. В первую входят документы, характеризующие бедственное положение страны, раздираемой внутренними конфликтами на фоне турецкого наступления. Вторая обрисовывает дипломатические и организационные шаги, предпринимаемые папским престолом для организации финансовой и военной помощи Польше для продолжения войны с Турцией, несмотря на Бучачский мир, заключённый от имени короля Михаила, но не ратифицированный сеймом. Третья свидетельствует об использовании темы польско-турецкой войны для активизации мирных переговоров в т.н. «Голландской войне», начинавшейся как локальный франко-голландский конфликт, в который в 1672–1678 гг. были вовлечены две крупные коалиции европейских держав, одну из которых возглавлял Людовик XIV, а другую Вильгельм Оранский, статхаудер Республики Соединённых Провинций.

Наследие римско-византийской метрологии и весовые нормы Арабского халифата.

Судя по находкам византийских бронзовых гирь с арабскими контрамарками, ранние весовые нормы Арабского халифата напрямую восходят к весовой системе Византийской империи (*Miles 1962*. P. 113-117). В 695-697 гг. халифом Абд аль-Маликом (685-705) была начата реформа, метрологическая часть которой завершилась, вероятно, лишь в годы правления его сына аль-Валида (705-715) с появлением крупных стеклянных гирь, легенда которых содержит наименование номинала — «*ратль*» (см.: *Balog 1976*. № 1, 14).

Коллекции стеклянных экзагиев содержат экземпляры, ориентированные на норму в 2,80-2,85 г и экземпляры, тяготеющие к весовой норме около 2,95 г (*Miles 1960*. P. 213; *Miles 1964*. P. 83; *Balog 1976*. P. 25-26; № 217, 243-245, 357, 434, 631, 680, 834).

Безусловно интересна практика использования счётно-весовых норм, соответствующих сотне монет. Надпись на стеклянной гире весом 282,13 г сообщает о том, что её вес «*равен 70 мискалям или 100 дирхемам*», по велению Мухаммада бин Марвана, занимавшего в 692-709 годы должность наместника Севера. Гиря принадлежит весовой системе, построенной на мискале 4,043 г и дирхеме 2,83 г (*Baldwin's Islamic CA 19 (2012)*. P. 10-11). Надо полагать, сотне серебряных дирхемов весом около 2,95 г соответствует и норма стеклянной кольцевидной гири весом 291,60 г с клеймом «*Стандарт 88 года*» (*Balog 1976*. № 795, 796).

Baldwin's Islamic CA 19 (2012) — Baldwin's Islamic Coin Auction 19. Baldwin & Sons Ltd: London, 2012.

Balog 1976 — Balog P. Umayyad, 'Abbasid and Tūlūnid Glass Weights and Vessel Stamps. ANSNS, 13. New York. 1976. 322 p.

Miles 1960 — Miles G. C. Byzantine Miliarion and Arab Dirhem // ANSMN 9, 1960. P. 189-218.

Miles 1962 — Miles G. C. A Byzantine Bronze Weight in the Name of Bišr b. Marwān. Arabica. 1962. T. 9, Fasc. 2. May. P. 113-118.

Miles 1964 — Miles G. C. On the Varieties and Accuracy of Eighth Century Arab Coin Weights // Eretz Israel 7. L.A.; Mayer Memorial Vol. 1964. P. 78-87.

Н.С. Моисеенко

Н.П. Лихачёв о метрологии древнерусских монет — взгляд из XXI века

Н.П. Лихачёв в своём труде «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики» выражал сомнения в нумизматической сущности древнейших русских монет, признавая таковыми лишь малые сребреники Ярослава Мудрого с латинской буквой R в легенде, а остальные памятники древнерусской чеканки называл то «*верительными знаками*» (большие сребреники Ярослава), то «*монетными пластинками с именами князей*» (сребреники Владимира и Святополка).

Однако Н.П. Лихачёв признавал, что «*все же приходится присоединиться к мнению, что мы имеем дело с памятниками монетного назначения*» и первым из отечественных учёных занялся изучением метрологии сребреников. На основании имевшихся в его распоряжении данных, он предположил, что средняя масса сребреников Владимира (I типа) и Ярослава (большого размера) должна была превышать величину в 3÷3,25 г и составлять около 3,5÷3,6 г. Верхняя граница массы сребреников этих типов могла составлять 4,5 г или чуть более.

За прошедшие годы количество известных сребреников выросло на порядок. Из нескольких сотен полновесных монет число экземпляров массой более 4,0 г не превышает 1%, их массив не образует какого-либо весового максимума. Метрологические измерения выявили среди монет Владимира I типа три весовых максимума – в районе 2,2, 3,0 и 3,4 г (последние связаны с дирхамом, милиарисием, и с условной «южной» ногатой). Позже средний из них уменьшился на 0,2 г и практически совпал с основной единицей весовой системы (массой около 2,822 г), использовавшейся в период поздней эпохи викингов в материковой Швеции и на острове Готланд.

Сребреники Владимира II и III типов чеканились в начале 1010-х годов по двум весовым нормам – старой в 3 г, и новой в 2,6 г (для монет Святополка она, предположительно, была единственной). Существование весовой единицы в районе 2,6 г недавно было подтверждено математическими выкладками (связью с дирхамом в 2/3 мискаля) и существованием бронзовой разновески (массой 2,59 г) из найденного при раскопках кошелька с гирьками и разновесами.

Памятники древнерусского прикладного искусства из собрания Н. П. Лихачева в фондах Русского музея: источники формирования, состав и судьба коллекции

Состав, историческая и художественная ценность коллекции икон Н. П. Лихачева, поступившей в Русский музей в 1913 г., хорошо известны. Освещение в периодической печати факта приобретения собрания Русским музеем, описание, а затем и публикация шедевров иконописи в 1-м выпуске сборника «Русская икона», более чем 100-летняя практика экспонирования икон на постоянных и временных выставках, наконец, каталогизация и издание многих произведений в наши дни принесли коллекции заслуженную славу. Несколько иную судьбу имели памятники прикладного искусства, поступившие в Русский музей как в 1913 г., так и в последующее время через Государственный Эрмитаж. В докладе рассматривается история сложения этой части собрания, характеризуются ее состав и значимость для науки.

М.П. Попова

Из истории семьи академика Н. П. Лихачева

В фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранится редкий комплекс фотографий «Сушнево», имеющий прямое отношение к одной из самых обширных ветвей известной купеческой династии Морозовых-Карповых. Старинное владимирское имение Сушнево на протяжении нескольких столетий принадлежало разным владельцам. В конце 70-х гг. XIX века его приобрели Карповы. Комплекс фотографий «Сушнево» состоит из 45 снимков (В-24799/1-45). Информация о нём практически отсутствовала. Лишь в акте поступления во владимирский музей от 9 сентября 1978 г. записано: «Фото. Сушнево на паспарту к. XIX – н. XX вв. от Лихачева Алексея Николаевича. Переданы Лихачевым своему товарищу по фронту Смирнову Ивану Васильевичу для передачи в музей». Выяснилось, что Алексей Николаевич Лихачев, передавший через сотрудника музея И. В. Смирнова фотографии в музейные фонды, был сыном академика Николая Петровича Лихачева.

Дальнейшие поиски и консультации с потомками Морозовых-Карповых-Лихачевых позволили определить изображённых (к сожалению, не всех) на снимках из указанного комплекса фотографий. В том числе, на фото (В-24799/35) вторая слева сидит юная Наталья Карпова, будущая жена Н. П. Лихачева. В письме Ольги Петровны Лихачевой, внучки Николая Петровича, сообщаются ценные сведения о жизни её бабушки, Натальи Геннадиевны Лихачевой. В этом же письме Ольги Петровны имеются биографические подробности о дочери Николая Петровича – Наталье, в замужестве Процкевич (хранится в архиве автора).

Летом 1999 г. О. П. Лихачева передавала фотографии из своего архива с целью копирования их для выставки «Минувших дней очарование» (два альбома привозил во Владимир её коллега по работе А. В. Сиринов). Редкий снимок 1908 г. (В. О. Ключевский, Н. Г. Лихачева и др.) был представлен на выставке.

Итак, представленные материалы позволяют расширить биографические сведения об истории семьи и родственниках Николая Петровича Лихачева (его жене, сыне Алексее, дочери Наталье, внучке Ольге).

И.В. Порфирьева

Презентация издания переписки Ю. М. Порфирьевой и Н. М. Петровского

Очередное издание из семейного архива Порфирьевых «О времени, людях, судьбе библиотеки славяноведов Мемнона Петровича и Нестора Мемноновича Петровских» предпринято в 2024 году. Публикуемая переписка Нестора Мемноновича Петровского с Юлией Михайловной Порфирьевой принадлежит к частным документам послереволюционного времени и отражает жизнь научной интеллигенции Казани в 1919-1921 годах. В письмах Нестора Мемноновича и его матери Эммы Генриховны прослеживается судьба их знаменитой фамильной библиотеки по славяноведению, тревога за её целостность и сохранность в тяжелых обстоятельствах. Письма из личного архива семьи казанской семьи Порфирьевых были разобраны и откомментированы Ириной Васьяновной Порфирьевой в 2010-2024 годах.

Царские жалованные грамоты XVII века светским лицам в собрании Н. П. Лихачева

Доклад посвящен царским жалованным грамотам из коллекции Николая Петровича Лихачева (Архив СПбИИ РАН, колл. 238), которые были выданы в течение XVII века придворным чинам и служилым людям (это 40 документов за период с 1613 по 1699 г.). Большая часть грамот хронологически относится к 1670–1680 гг., в то время как документы за другие десятилетия представлены несколькими экземплярами. В фокусе внимания авторов доклада находится разнообразие документов коллекции — по времени создания грамот, их формуляру, знакам аутентификации и элементам художественного оформления. На материалах, собранных Н. П. Лихачевым, могут быть прослежены изменения в царском титуле, которые происходили на протяжении XVII века, эволюция языковых формул, смена рукописных грамот на печатные, а также варианты валидации документов. Так, несмотря на то что существовала традиция удостоверения жалованных грамот малой государственной печатью, акт о пожаловании ближайшего советника царя Михаила Федоровича — князя Алексея Михайловича Львова — был запечатан средней государственной печатью, легенда которой включает в себя полный царский титул (документ выдан в правление царя Алексея Михайловича в 1648 г.). Среди грамот как первой, так и второй половины XVII века встречаются образцы богатого художественного оформления (золотое письмо, растительный и антропоморфный орнамент, шелковые ткани). Абсолютное большинство документов второй половины XVII века являются печатными грамотами. Среди этой части коллекции лишь в отдельных случаях встречается индивидуальный подход к декору, например, роспись черно-белого печатного орнамента. Помимо царских грамот светским лицам 1610–1690-х гг., в коллекции Н. П. Лихачева собраны подлинники и копии царских грамот духовным корпорациям, включая акты царей Бориса Федоровича, Дмитрия Ивановича и Василия Ивановича, а также акт о пожаловании, который был составлен от имени воевод Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого в 1612 г. Таким образом, внутри коллекции представлен очень широкий спектр документов одного вида, анализ которых позволяет проследить этапы развития формуляра, знаков аутентификации и художественного оформления царских жалованных грамот на протяжении XVII столетия.

В.И. Сафронова

Борис Сергеевич Лихачев. Театр.

Борис Сергеевич Лихачев (1901-1934) известен в первую очередь как один из первых историков отечественного кино, автор монографии «История кино в России». Первая часть работы, посвященная русскому кино 1896-1913 гг., опубликована издательством «Academia», вторая, охватывающая 1914-1917 гг., полностью подготовленная к печати, так и не увидела свет. Источниковедческая база исследования Лихачева – обширная коллекция материалов по истории кино, собираемая им с юношеских лет. Коллекция Лихачева (фотографии, афиши, печатные издания, картотека, вспоминая кинематографистов и пр.) станет основной частью собрания кинокабинета ГИИИ, организованного в том же 1927 г. и возглавляемого Лихачевым. Театровед А.А. Гвоздев в предисловии к первому тому писал о книге Лихачева так: «Она ставит изучение кино в России на твердую почву, указывая пути дальнейшего исследования <...>». В этом же предисловии Гвоздев отмечает одну из особенностей работы Лихачева - прослеживание связи раннего русского кино и театра, эволюции актера в кино.

До зачисления в штат Театрального отдела ГИИИ Лихачев несколько лет активно работает в театре в качестве актера, режиссера и драматурга. Первый театральный опыт – участие в домашних спектаклях и постановках живых картин, например, в родовом имении в Полянках.

В 1918-1919 гг. Лихачев учится в Школе русской драмы при б. Александринском театре (студия Р.Б. Аполлонского), после окончания которой непродолжительное время входит во второй состав труппы Александринского театра. Исполняет главные роли в постановках драматического коллектива «Новорас» под руководством А.И. Нежданова. Социальное и материальное положение семье Лихачевых в послереволюционный период резко изменилось. После смерти в 1921 году С.П. Лихачева, Борис становится единственным кормильцем многочисленной семьи. С 1921 по 1922 гг. возглавляет труппу ДК «Северо-западных железных дорог», где впервые выступает в качестве постановщика.

Важное место в театральной биографии Лихачева занимает руководство коллективами Посредрабиса в гастрольных поездках в Туркменистан (зимний сезон 1924-1925 гг.), по Волге (1925 и

1926 гг.). В репертуар возглавляемых Лихачевым коллективов входили написанные им исторические пьесы, например, «Гапон», «Последние дни Николая II».

Т.Ю. Толстикова

Дом Н.П. Лихачева и судьбы его жильцов в период обороны и блокады Ленинграда 1941-1944 гг.

Период обороны и блокады Ленинграда является важной, но малоизученной страницей в истории дома Н.П. Лихачева (Петрозаводская ул., д. 7). В 1931-1966 гг. в здании располагалось общежитие аспирантов (Дом аспирантуры АН СССР)¹. В ходе исследования карточек съемщиков помещений Дома аспирантуры, хранящихся в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, была установлена информация о 106 людях, живших в доме во время блокады Ленинграда². Большинство из них было аспирантами и техническими сотрудниками, кроме того, в здании проживали известные научные деятели – доктор астрономии, профессор Ф.Ф. Ренц, доктор филологических наук, и. о. директора ИРЛИ РАН Л.А. Плоткин, а также родственники Н.П. Лихачева. Данные о жильцах были обобщены в виде таблицы и дополнены биографическим указателем, составленным на основе книг памяти и электронных баз данных.

Летом 1941 г. около 25 человек выехали из общежития: часть из них отправилась добровольцами в РККА, часть эвакуировалась. В сентябре 1941 г., с началом учебного года, в комнаты заселилось 15 человек. Во время «смертной зимы» 1941-1942 гг. из Дома аспирантуры выбыло около 55 жильцов. Весной-летом 1942 г., в период массовой эвакуации, здание покинуло около 15 человек. Таким образом, с августа 1942 г. в доме жили лишь две семьи: Даниленко (управляющая хозяйством дома и ее дети, проживали в комнате № 1) и Лихачевы (проживали в комнатах № 33-35, в июле 1942 г. переехали в комнату № 13). Новые жильцы стали появляться в доме в большом количестве после окончания войны и блокады.

И.Д. Травин

Автограф королевы Виктории из коллекции Н.П. Лихачёва

Коллекционер «сказочного размаха», Николай Петрович Лихачёв приобретал для своего собрания памятники широчайших географических и временных рамок. Сегодня в этом легко можно убедиться, открыв раздел описей фондов и коллекций Архива СПбИИ РАН. Одной из наиболее крупных и разнообразных, без сомнения, является коллекция, относящаяся к территории Британских островов. В ней можно найти большое количество как частных актов, повествующих о правовых аспектах жизни на Альбионе, так и грамот английских монархов эпох от Раннего Средневековья до Позднего Нового Времени. Здесь же хранятся письма английских, шотландских и ирландских иерархов Церкви вместе с автографами выдающихся представителей британской политики, науки и культуры.

Одной из жемчужин коллекции, несомненно, является автограф Виктории, королевы Соединённого королевства Великобритании и Ирландии. Правление Виктории (1837-1901 гг.) принято считать периодом, когда Британская империя находилось в расцвете своего могущества и являлась сильнейшей державой мира. Рассматриваемый автограф королевы Виктории был оставлен ею на конверте от письма, адресованном Сильвену Ван де Вейеру, бельгийскому политическому деятелю, занимавшему с 1831 по 1867 годы должность посла Бельгии в Великобритании, а с 1845 по 1846 годы – пост премьер-министра Бельгии. Само письмо королевы Ван де Вейеру в какой-то момент оказалось отделено от конверта и не попало в коллекцию Н.П. Лихачёва. Тем не менее к конверту приложено другое письмо, повествующее о том, как после попадания к адресату конверт переходил из рук в руки.

А.В. Чиркова

Рыцарское завещание середины XIII в. из собрания Н.П. Лихачева

В октябре 1912 г. Н.П. Лихачев приобрел по предложению парижского антиквара Н. Шараве 13 грамот, происходящих из архива приората Бельруа, расположенного вблизи крупного ярмарочного центра Шампани – Бар-сюр-Оба. В 1887 г. эти грамоты были обнаружены шампанским краеведом А. Дагеном в

¹ Панченко Е.З. Петрозаводская, 7 – дом Н.П. Лихачева. Фонтанка. 2017. № 22. С. 17-18.

² Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 4. Оп. 12 (1941). Д. 17; Там же. Оп. 12 (1944). Д. 5.

составе приходского архива церкви Сен-Пьер в Мулене и были им изданы в виде кратких аннотаций. 11 грамот Бульруа из собрания Лихачева были опубликованы В.И. Мажугой в 1978 г., еще две были обнаружены позже и остались неопубликованными. Одна из них оказалась завещанием рыцаря Гуона де ла Порта, горожанина Бар-сюр-Оба, перечисляющим все основные духовные учреждения города и ближайшей округи: капитул Сен-Маклу, приходские церкви Сен-Пьер и Сент-Мадлен, госпиталь Сен-Николя, лепрозорий, цистерцианские аббатства Валь-де-Винь и Клерво, деревенские приходы Айвиля и Провервиля, местную коммандерию тамплиеров и приорат Бельруа, выбранный завещателем как место захоронения. Сличение письма с другими документами Бельруа из коллекции Лихачева позволило отождествить писца, трудившегося на Гийара, сельского декана Бар-сюр-Оба, известного по актам 1235–1262 гг. Благодаря анализу более 3 500 актов из прежних фондов Бельруа, Клерво, Сен-Маклу и Валь-де-Виня, а также списков феодалов графов Шампанских и описаний графского домена удалось примерно восстановить родственные и дружеские связи рыцаря Гуона, нашедшие отражение в его завещании.

Семья де ла Порт принадлежала к числу наиболее видных и значимых в городе. Из числа родственников Гуона известны прямые ленники графов Шампанских, мэр, прево Бар-сюр-Оба, священники и каноники Сен-Маклу. Оруженосец Гуона Гишардин – возможно, будущий балльи Шасне и Шомона в 1270 и 1291 гг. Точный *terminus ante quem* дает акт от июня 1256 г. в составе Картулярия Сен-Маклу, упоминающий Леже де Принжи, душеприказчика Гуона, покойным. Единственным упоминанием Гуона в источниках (без фамилии) является акт от августа 1257 г. в том же картулярии, где упомянуты «дети покойного господина Гуона, рыцаря».